

Красинский и Мицкевич.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи проследить все этапы литературного взаимодействия двух крупнейших польских поэтов прошлого столетия, коснусь лишь тех фактов, которые с несомненностью свидетельствуют, что такое взаимодействие или точнее, влияние отдельных произведений Мицкевича на Красинского было. Мицкевич воспитался значительно в иных условиях, чем Красинский. «Литовской» молодежи, сгруппировавшейся в начале прошлого столетия вокруг Виленского Университета, легче было порвать с классическими традициями, или ослабить по крайней мере их действие, чем студентам Варшавского Университета, куда сначала попал Красинский. Несмотря на то, что Варшавский Университет был моложе Виленского, он однако крепче держался старины. Литературные традиции XVIII в. были в Варшаве гораздо устойчивее, чем в Вильне, а общее направление Варшавских профессоров мало благоприятствовало развитию идей романтизма и «свободомыслия». Так курс истории (всеобщей) тут читался Феликсом Бентковским с религиозно-моральной точки зрения;¹⁾ пребывание Бентковского в Галле, знакомство его с трудами новейших для того времени историков, не ослабило этой его теологической точки зрения.²⁾ Хотя курса лекций Бентковского не сохранилось до наших дней, однако по программе, представленной им на 1826-27 уч. г. видно, что он придерживался в своем изложении учебника профессора Царскосельского Лицея Кайданова, на котором в России воспиталось несколько поколений прошлого века. Этот учебник («Руководство къ познанию всеобщей политической исторіи, второе издание, исправленное и дополненное», СПб. 1823, 1827 — 3 части) был переведен Бентковским на польский язык, с некоторыми правда

¹⁾ Красинский как раз сообщает в одном своем письме 1828 года, что усиленно слушает эти лекции.

²⁾ Подробнее об этом см. Bieliński Józef, Królewski Uniwersytet Warszawski, т. II, стр. 509—523, особенно 519.

отклонениями, напр. пропущено обращение Кайданова к воспитанникам Царскосельского Лицея, зато в примечаниях подробнее рассказаны события из польской истории (*Ryz Historyi Powszechnej... przez J. Kajdanowa*, t. II, str. 58—61). Точка зрения Бентковского ясна из слов его предисловия к этому переводу: молодежь должна узнавать из истории »wpływ Religii i moralności na szezęście rodu ludzkiego« (ib. t. I) (о Кайданове см. в книге И. Селезнева, *Истор. очерк Лицея*, СПб. 1861, стр. 114—117 и 349—350). Таково же было направление и многих других профессоров Варшавского Университета и в особенности Шанявского. Официально требовалось, чтобы в таком-же духе велось преподавание философии, хотя едва-ли этому заданию удовлетворяли лекции тогдашнего профессора Ляха Ширмы — эклектика и последователя английской школы.¹⁾ Даже К. Бродзинский был очень осторожен в выражении своих симпатий новым веяниям во время своих лекций по польской литературе, которые также несомненно слушал Красинский... При таких условиях предпосылки для симпатий Красинского литовской школе поэтов не могли быть значительными. Правда, по свидетельству И. Белинского, упомянутый выше Лях Ширма был »пионером романтизма«, но о каком либо ближайшем влиянии его на Красинского в этом смысле — данных не имеется; был другой способ проникновения влияний Литвы в Варшаву — это непосредственное общение молодежи того и другого города. Если отец Красинского и был противником »чрезмерно развитого воображения«, то он все-таки не доводил свою антипатию к представителям молодого поколения до крайности. Вот чем объясняется то обстоятельство, что на устраивавшихся в его доме так называемых »четверговых« обедах встречались представители того и другого направления — »старики« и »молодые«. Он охотно приглашал к себе тех и других, устраивая примерные диспуты, на которых не раз доставалось и классикам, так что некоторые из них уходили обиженные на хозяина дома. По свидетельству Козьмяна²⁾ сюда приходили Немцевич, Осинский, Моравский, Бродзинский, Дмоховский, Гашинский, Лелевель, Одынец. Красинский-сын был еще слишком молод тогда, чтобы принимать участие в происходивших там спорах, но он живо интересовался их со-

¹⁾ *Ib.*, стр. 75.

²⁾ *Koźmian Kajetan, Pamiętniki, Odział III, Kraków 1865.* стр. 316.

держанием и по их окончании подробно узнавал о нем от Э. Одынца, восторженного представителя романтического направления и друга Мицкевича.¹⁾ Несомненно, что тот самый Одынец, который несколько лет спустя будет посредником личного знакомства обоих поэтов, сыграл не малую роль в деле первого возбуждения интереса в Красинском к произведениям Мицкевича. Ведь в письмах к отцу из Женевы Красинский первоначально говорит о некотором своем разочаровании в Мицкевиче после первого знакомства с ним. Значит ясно, что перед этим было безотчетное преклонение перед ним, главным возбuditелем которого должен был быть Одынец, ибо все другие окружающие условия по меньшей мере мало благоприятствовали такому преклонению. Из произведений Мицкевича, которые, по своему общему направлению, могли ближе всего коснуться Красинского, нужно, конечно, указать на «Конрада Валленрода», на котором, как известно, воспиталось не одно поколение польской молодежи. Ведь Красинский выступил на литературное поприще в эпоху, когда, так сказать, в воздухе уже чувствовалось ноябрьское восстание. Естественно, что и Валленродическая проблема тогда пользовалась большою популярностью. — Не самый художественный замысел, даже не его выполнение, а именно только поставленная в поэме Мицкевича проблема. «Wallenroda» Красинский читал уже в марте 1828 г. (см. prof. Kallenbach, *Życie . . . etc. t. I*, стр. 59). Красинский при своем обильном чтении западно-европейских образцов пользовался при обработке своих лучших вещей иными приемами, чем Мицкевич. «Валленрод» оказал влияние своими литературными приемами лишь на самые ранние, при том наиболее слабые его литературные произведения. Иначе и быть не могло. Сюжетное влияние «Валленрода» было столь же мало значительно, как и голос Одынца, по сравнению с мнением отца, Козьмяна, Осинского и других «стариков». А когда Красинский стал развиваться более самостоятельно, в центре его интересов становятся литературы — французская и английская, позднее — немецкая. При таких условиях быть может невозможно и вообще говорить о более или менее значительном влиянии Мицкевича на Красинского? . . . Утверждать это значило бы впадать в явное преувеличение.

¹⁾ См. об этом статью Третьяка *Tragiczność w życiu Zygmunta Krasińskiego* (*Przewodnik Naukowy i Literacki*, 1884).

Влияние это только имело скромные, строго-определенные границы в литературном отношении, простираясь однако в смысле идейном несколько дальше. »Иридион« и время окончания его служат пределом, за который уже не проникает даже его идейное влияние. Это, конечно, не значит, что судьба Мицкевича не интересовала Красинского после 1836 года. Напротив, мы неоднократно найдем упоминания о нем в письмах Красинского, относящихся к более позднему времени, вплоть до смерти Мицкевича.¹⁾ Красинский был одним из немногих, которые сразу поняли громадное значение »Пана Тадеуша«. Только Мицкевич в качестве автора »Книг пилигримства« и последователя Товьянского, делался все более чуждым Красинскому, унаследовавшему от отца и воспринявшему от окружавших его классиков привычку к ясному и трезвому мышлению. Говоря об »Иридионе«, нужно постоянно иметь в виду, что фактическая его сторона и литературные приемы, применяемые здесь автором, целиком объясняются из иных исторических и литературных источников (что служит предметом особой моей работы), и уже по одному этому не могут восходить к »Валленроду«. Остается только идея, так называемая Валленродическая проблема, о которой исключительно может быть речь в применении к »Иридиону«, но сначала о более ранних произведениях, где видно либо непосредственное сюжетное влияние »Валленрода«, либо Красинский сам дает отзыв о нем.

Есть прямые указания на то, что Красинский отлично знал »Валленрода« и охотно его читал сразу-же после его выхода в свет. Уже в повести »Могила семьи Рейхсталов«, писанной хронологически почти одновременно с »Валленродом«, видны следы влияния последнего, хотя и мало еще приспособленного к данному сюжету. О чтении Мицкевича свидетельствует также

¹⁾ Несмотря на идейное расхождение с Мицкевичем, Красинский дал его восторженную оценку в момент получения известия о его смерти: „Адам уже отошел от нас. При этом известии разорвалось мое сердце. Он был для людей моего поколения и медом, и молоком и желчью и духовной кровью. Мы все от него. Он унес нас на волнах своего вдохновения и бросил в мир. Это был один из столбов, поддерживающих свод, сделанный не из камней, а из многих живых, бьющихся кровью сердец; это был, хотя и надтреснутый, но гигантский столб; теперь он сломался и рухнул в бездну. А весь этот свод должен задрожать и плакать над его могилой каплями крови, истекающими из ран сердец, которые его составляют! Величайшего поэта не только польского народа, но и всех славянских племен, больше нет“. (Письмо к Солтану от 5-го декабря 1855 года.) См. также Tarnowski, Zyg. Krasiński, t. II, стр. 364.

эпиграфы из его произведений, поставленные перед отдельными главами этой повести. Герой этой повести приходит отомстить Валленштейну под видом полковника Лесли за смерть своей сестры; в описании его здесь видно влияние некоторых сцен «Валленрода»: «Иногда Лесли впадал в черную угрюмость. Казалось, будто воспоминание о каком-то несчастье заглушило все его чувства и открывало сердце только для мести. Ни с кем он не общался, никогда не приветствовал друга улыбкой, никогда не обратил взгляда на статных девиц; он сам для себя составлял весь мир, оставаясь глухим к веселому пению и радостным восторгам».¹⁾ Этим чертам героя повести Красинского соответствует следующая характеристика Валленрода:

»Minstrelów hymny i piękności względy
Nie przemawiały do zimnego ducha ...
Na kraśne lica pogląda zdaleka,
Od czarującej rozmowy ucieka«.²⁾

Однако широкая идейная подкладка Валленрода была совершенно чужда Лесли, который действует исключительно по побуждениям узко личного, а не широко общественного характера. И в самом большом по размерам произведении Красинского — повести «Владислав Герман» также можно видеть некоторые следы влияния «Валленрода»; правда, и здесь отсутствует широкая идейная подкладка, свойственная «Валленроду». Главный герой повести Збигнев действует лишь под влиянием обиды за свою жену и жажды мести Мечиславу. Но в описании разочарованного состояния Збигнева следует видеть не только Байроновское влияние, как это до сих пор делалось, но и Валленродовское, тем более, что и в самом Валленроде есть много байронических черт, так что одно с другим до известной степени совпадает. А на усиленное чтение «Валленрода» как раз в рассматриваемую эпоху указывают помещаемые и здесь эпиграфы из него к отдельным главам. Описание, например, участия в битве Збигнева носит вполне байронический характер, мало свойственный Валленроду, но в описании его состояния после битвы проглядывает много явно Валленродических черт: «Когда одни воины, утомленные шумом битвы, отдыхали, другие же стонали от ран, смертельная бледность снова покрывала его

¹⁾ Zygmunt Krasiński, Pisma, wydanie jubileuszowe, t. I, стр. 207—208.

²⁾ Mickiewicz Adam, Dzieła, wydanie towarzystwa literackiego imienia A. Mickiewicza, tom trzeci, стр. 118. Сопост. см. prof. Kallenbach, t. I, str. 91. Сопоставление это делалось уже раньше в литературе о Красинском.

лицо, и взор его, столь оживленный в битве, утрачивал свой прежний блеск. Он избегал людей... сторонился от жены, и когда она просила его открыть причину его печали, то он отвечал на ее вопросы молчанием отчаяния¹⁾ Его молодость была проведена в излишествах и преступлениях:²⁾ »Пройдя уже половину жизненного пути, Збигнев лишился обманчивой надежды и утешения. Радость простилась с его сердцем!³⁾ Сквозь байроническую поволоку здесь можно однако видеть сходство с Валленродом, как в разочаровании героя, так и в упоминании о том, что он достиг половины жизненного пути. Как это напоминает соответствующую характеристику Валленрода в I-ой песне (Obiór), когда Мицкевич о нем говорит, что хотя он был еще молод, однако уже волосы его поседели, а щеки увяли.⁴⁾ И это сходство в данной подробности тем более удивительно, что к Збигневу характеристика эта еще менее подходит, чем к Валленроду, так как Збигнев в повести изображен совсем еще юношей, хотя с чертами такой преждевременной старости души. Конечно, это не случайное совпадение и не простое влияние Байрона, а несомненно преломленное через »Валленрода«. И позднее, в Женеве, увлекаясь английской литературой и получив возможность познакомиться с Байроном в подлиннике, Красинский однако не забывает о »литовском« поэте. В одном из первых своих произведений этого времени — в писанном по-французски »Письме о состоянии польской литературы«⁵⁾ он не мало уделяет ему внимания. Отметив здесь исключительное господство классицизма в польской литературе эпохи просвещения, Красинский затем говорит (хотя и с некоторой осторожностью, принимая во внимание литературные вкусы отца, который, напр. считал Байрона »моральным бандитом« и бранил молодых поэтов за их увлечение деятельностью воображения), что молодежь стала зачитываться произведениями романтической школы »аккорды Шиллера и Байрона заставили усиленно биться сердца. Тогда узнали, что гений человеческой природы еще не исчерпан, что можно высказать прекрасные

¹⁾ Zyg. Krasinski, Pisma, Wvd. Jub., t. I, стр. 244.

²⁾ Ясный намек на такие же заблуждения молодости по отношению к отцу Иридиона имеется во вступлении, где вообще больше всего и отразилось влияние „Валленрода“, как это будет разъяснено ниже.

³⁾ Ibid., стр. 374—375.

⁴⁾ Dzieła. Wyd. tow. liter., tom trzeci, ibid.

⁵⁾ Было напечатано в Женевском журнале »Bibliothèque Universelle« за Февраль 1830 г. »Lettre sur l'état actuel de la littérature polonaise...«

вещи, которые не будут ни заимствованием, ни подражанием грекам, римлянам или французам». ¹⁾ Успехи романтической школы, по словам Красинского, объяснялись не только новизной ее идей, но и большой талантливостью ее представителей. Здесь-то Красинский с особенным восторгом отзывается о Мицкевиче, называя его «Икаром, взлетающим к солнцу» и все шире расправляющим крылья по мере своего подъема вверх; говорит о поразительной заражающей силе его идей; Красинский признает, что Мицкевич «был вскормлен Шекспиром и Байроном», «но, добавляет он тут-же, Мицкевич далек от рабского им подражания». ²⁾ Правда, комментарием к этому письму может служить то, на что многие уже обратили внимание — всё оно написано в неестественном панегирическом тоне, и потому далеко не каждое слово тут можно принимать за чистую монету, тем более, что в разных местах еще видна юношеская неопытность в распределении материала; но всё это не может ослабить самого факта его преклонения перед Мицкевичем. Специальный интерес к «Валленроду» засвидетельствован помещенной в октябрьском номере 1830 г. журнала «Bibliothèque Universelle» рецензии на вышедший тогда его французский перевод: «Konrad Wallenrod», *Recit Historique, tiré des annales de Lithuanie et de Prusse*. Красинский здесь ставит Мицкевичу в большую заслугу то, что он решительно сумел порвать со старыми литературными традициями и стал брать сюжеты для своих произведений из народной жизни и из прошлого Польши и Литвы; но характерно, что уже в этой столь ранней рецензии Красинский стремится отыскать некоторую философскую предпосылку для своего робко высказанного романтического взгляда. Главная сила таланта Мицкевича заключается, по его мнению, в том, что он «на всякий самый обыкновенный предмет может взглянуть с новой точки зрения». ³⁾ Каждая мелочь в этом мире связана тысячью нитей со вселенной; установление этой связи частного с целым и составляет одну из крупных заслуг Мицкевича. ⁴⁾ Здесь уже также сказывается особенность подхода Красинского к оценке литературных произведений, определяемая общим складом его ума: его интересуют не де-

¹⁾ Zyg. Krasinski, Pisma, Wyd. Jub., т. 8, I, стр. 23—24.

²⁾ Ibid., стр. 25.

³⁾ Ibid. стр. 218.

⁴⁾ См. ibid.

тали, а общая схема, иными словами, он уже здесь становится поэтом — философом. Когда же он все-таки вынужден бывает спуститься до этих частных, то впадает здесь нередко в ошибки, как то было, например, с «Гражиной», которую он считает одним из тех произведений, кои «предназначены восхищать свою страну и могут заставить биться лишь польские сердца». Этот странный отзыв о поэме Мицкевича, в которой как раз всего менее польского элемента, вполне идет в параллель с тем, что Красинский говорит о «Валленроде», в котором, как он думает, «вполне соблюден дух того отдаленного времени», а «возвышенность мыслей и взглядов помещают автора в разряд людей, которые перестают принадлежать исключительно своему отечеству». Познакомив французскую публику с выдержками из «Валленрода» во французском переводе, Красинский однако тут-же спешит добавить, что перевод этот далек от того, чтобы передать красоты подлинника. Таким образом, судя по этим двум работам, Красинский хотя несомненно искренно восторгался поэзией Мицкевича, разделяя в этом случае общее отношение своего поколения, однако далеко не в состоянии еще был разделять и понимать многих настроений Мицкевича, в частности «Валленродизма», причем значительный прогресс в этом отношении начинается лишь с того времени, когда наступило его личное знакомство с Мицкевичем. До того как он попал под обаяние личности «литовского поэта», он оставался на уровне того поверхностного понимания поэзии Мицкевича, о котором такое хорошее понятие дают его повести Варшавского периода, где цитаты из Мицкевича, отдельные моменты из его произведений, можно сказать, хаотически перемешаны с цитатами из других авторов, столь обильно им тогда поглощаемых, так что какой либо руководящей нити в этом хаосе прочитанного материала подметить абсолютно не удастся. Очевидно и Мицкевич был тогда в числе многих, а задумываться сильнее над каким-либо отдельным его произведением еще не приходилось, так что и восприятие «Валленрода» оставалось частичным, поверхностным; основа всё еще была в тумане. Первое впечатление, которое Мицкевич произвел на Красинского¹⁾ граничило как бы с разочарова-

¹⁾ Первая их встреча, о которой идет речь ниже, произошла 11-го августа 1830 г. См. Kallenbach Józef, Zygmunt Krasinski, Życie i twórczość lat młodych, tom pierwszy, Lwów, 1904, стр. 182.

нием: «Он холоден, мрачен. Он выглядит человеком очень рассудительным. Мы часто создаем себе удивительное представление о людях, исчезающее после непосредственного знакомства».¹⁾ Мицкевич тогда переживал тяжелый душевный кризис под влиянием невыясненности своих отношений к семейству Анквич; нет ничего удивительного, что, находясь в таком положении, он не особенно охотно заводил новые знакомства, а к тому же он еще был не особенно здоров физически. С течением времени однако это неблагоприятное впечатление Красинского сменяется отзывами, полными энтузиазма. Они втроем — Мицкевич, Одынец и Красинский совершают в Августе 1830 г. совместное путешествие по горам Швейцарии, что, разумеется, их очень сблизило. Тут наблюдения над красотами природы чередовались с чтением Шелли и других поэтов, собственными стихотворными упражнениями Красинского, наконец с речами Мицкевича, на основании которых Красинский впервые «вдохнул в себя на всю жизнь филаретского духа». При посещении Шильонского замка Мицкевич говорил вдохновенно о жестокости человеческого насилия и о том, что сила человеческого духа должна все-таки преодолеть это насилие. С каким интересом должен был слушать будущий автор «Иридиона» эти Валленродические слова. Уже тут могли проглянуть первые проблески его будущей поэмы. Ведь и его грек будет бороться с «несправедливейшим из насилий — с Римом». — «Сигизмунд тогда слышал в первый раз Адама, так говорящего», сообщает Одынец в «Listy z podróży» и говорил мне, что, слушая его, он позабыл о Байроне и Бониваре».²⁾ Само собою разумеется, что много говорилось между путниками о несошедшей еще тогда со сцены борьбе романтиков с классиками, причем Красинский не был уже здесь стеснен в выражении своих мыслей, как то было в письмах к отцу, о классических симпатиях которого ему слишком хорошо было известно; теперь он не щадил резких выражений по адресу варшавских классиков за их легкомысленные суждения о Мицкевиче, «от которого он в один час услышал больше новых и разумных вещей, чем во всё время общения с ними».³⁾ Красинский был поражен широтой

¹⁾ Ibid., стр. 182—183.

²⁾ См. Ibid., стр. 185; к сожалению, четвертый том этих «Listow» Одынца, где помещено цитируемое письмо остался мне недоступным, так как его нет ни в одной из наших библиотек.

³⁾ Ibid., стр. 188.

и оригинальностью литературных взглядов Мицкевича, который «высмеивал как раз то, за что его сильнее всего осуждали и бранили варшавские классики». ¹⁾ И это, конечно, отнюдь не означало какой-либо отказ его от прежних убеждений, а доказывало лишь то, что его не хотели или не могли понять, в чем были повинны не только варшавские классики, а также частично молодое поколение. Так под влиянием сближающего путешествия Красинский переходит от холодности первого впечатления снова к энтузиазму перед Мицкевичем, на этот раз, куда более обоснованному, как видно из письма его к отцу от 21 августа 1830 г.: «Мицкевич несколько оживился и лучше с нами познакомился. О, какие неверные суждения были о нем в Варшаве! Знания его обширны, он умеет по-польски, по-французски, по-итальянски, по-немецки, по-английски, по-латыни и по гречески. Отлично он знает европейскую политику, историю, философию, математику, химию и физику. Литературу может быть никто в Польше лучше его не знает. Когда его слушаешь, кажется, будто он читал каждую книжку. Суждения его чрезвычайно основательны и серьезны. Обычно он печален и задумчив; несчастья вырыли уже морщины на его тридцатилетнем челе. Он всегда спокоен, тих, но по взгляду его видно, что брошенная искра разбудит спящее пламя в его груди». ²⁾ Когда пришло ноябрьское восстание, то размышление над ним углубило отношение Красинского к произведениям Мицкевича, и в особенности к «Валленроду», основная идея которого безусловно нуждалась теперь в пересмотре... На сходство отдельных мест «Валленрода» с «Иридионом» ³⁾ указывает уже Т. Пини; ⁴⁾ но если мы не хотим ограничиваться приведением случайных подробностей, то должны установить какие-либо общие сходные положения. В этом смысле любопытно отметить, что все делавшиеся до сих пор попытки сближения касаются лишь вступления к «Иридиону», а не самой драмы. Писанное величественным стилем, по образцу «Мучеников» Шатобриана, вступление, очевидно, должно было по первоначальному замыслу иметь облик поэмы, которая, однако,

¹⁾ *Ib.*, стр. 189.

²⁾ *Ibid.*, 190.

³⁾ В сущности „Иридион“ по своему основному замыслу и есть пересмотр Валленродической идеи.

⁴⁾ Pini Tadeusz, *Studyum nad genezą „Irydiona“* Zygmunta Krasińskiego. Lwów. 1899.

по свойственной Красинскому манере, отличается необычайной сжатостью. Во всяком случае невозможно рассматривать вступление как простую экспозицию к драме, дающую лишь предварительное представление об общей картине, напротив, оно обосновывает ряд черт, исторических и личных, там и сям проглядывающих во всей драме, являясь скорее их резюме, чем их подготовкой. Весь главный замысел здесь уже на лицо; поэтому ясно, что и писалось вступление уже тогда, когда главный остов драмы был во всяком случае готов. Первая часть вступления, содержащая описание Рима в состоянии упадка, противопоставляемого его прежнему величию, конечно, не могла во всяком случае иметь своим источником Мицкевича. Во-первых известно, что «Валленрод» имеет своим предметом совсем другую эпоху, а во-вторых ведь можно считать установленным, что Красинский пришел к мысли отнести свою драму к III веку нашей эры под влиянием Шатобриана. Остается вторая часть вступления, содержащая своего рода поэтико-фантастическую биографию Иридиона. Нужно однако помнить, что Красинский поставил здесь себе совершенно определенную цель, излагая эти факты биографии своего героя вывести главные черты характера Иридиона из его перекрещивающейся наследственности. Надо всем господствует у нашего автора эта отвлеченная мысль, не позволяющая разгуляться его фантазии. При таких условиях и следовать за чужими образцами было очень трудно, почти невозможно. Неудача попыток детального сличения, делаемого Т. Пини, должна нас в этом убедить окончательно. Из перекрещивающейся наследственности Иридиона нас ближайшим образом должно интересовать то, что он получил от своего отца — Амфилоха — грека, так как именно здесь могла наиболее рельефно проявиться Валленродическая мысль вступления — о мести грека Риму. Самая сильная относящаяся сюда сцена, рисующая, как Амфилох угощал на своем острове прибывшего проконсула или претора — во всяком случае не может восходить к поэме Мицкевича в силу различия исторических эпох; столь-же мало имеют общего с «Валленродом» поиски Амфилохом себе союзников против римлян — поездки, при которых он заезжал и к берегам нынешнего Азовского моря (Błota Meoskie) и к пустыням Африки. Остаются лишь мелкие подробности якобы сходства обеих поэм, на которых останавливается Пини (я имею

в виду пока только отца Иридиона-Амфилоха). К сходным местам относится прежде всего повесть Вайделоты в той ее части, которая касается впечатления, производимого Вальтером на дочь Кейстута Альдону. Когда наступает осень и тянутся длинные вечера, то Альдона в окружении сестер и ровесниц садится за прялку, а Вальтер рассказывает «чудеса о немецких краях».¹⁾ В параллель к этому Т. Пини указывает на одно место во вступлении, где говорится об Амфилохе: «его полюбили женщины и мужчины, потому-что он повестями услаждал долгие ночи, а днем был первый в битве и на пирах».²⁾ Но тогда как у Мицкевича эта сюжетная подробность играет, так сказать, служебную роль, помогая ему объяснить дальнейшее увлечение Альдоны Вальтером в силу проявляемого последним героизма; у Красинского мы тут имеем дело скорее с самостоятельной картиной, а изображение такого героизма имеет свою историю у него, восходя к литературной традиции Вальтер-Скотта. (Срав. «Agaż-Han», «Władysław Hermann i jego dwór» и другие его ранние повести). Таким образом предполагать для данного эпизода непременно посредство Мицкевича нет достаточных оснований. Столь же мало убедительна делаемая Т. Пини попытка сближения содержания речей Амфилоха и Вальтера; последний в духе христианского героя говорит о «великом Боге, который властвует за Неманом и о непорочной Родительнице Сына Божьего».³⁾ Конечно, неудивительно, что этих речей не услышит от Амфилоха его возлюбленная Кримгильда, но Т. Пини приводит другое место — стихи, стоящие несколько выше, где Вальтер рассказывает «о великих замках и городах за Неманом, о том, какие там богатые наряды и великолепные развлечения, как на состязаниях доблестные рыцари ломают свои копья, а девицы глядят с балконов и присуждают венки».⁴⁾ Мы в праве действительно ожидать, что к данному месту можно найти параллель у Красинского, ибо повествование о мужественных состязаниях вполне бы приличествовало Амфилоху, собирающемуся вступить в бой с могущественным Римом. Однако параллель, приводимая Т. Пини едва-ли может быть признана убедительной, так как он игнорирует общую сюжетную канву. Пини цитирует коро-

¹⁾ Dzieła Mickiewicza, t. III, стр. 149.

²⁾ Z. Kasiński, Pisma, Wyd. Jub., т. 3., стр. 116.

³⁾ Dzieła Mickiewicza, t. III, стр. 150.

⁴⁾ Ibid., стр. 150.

тенький отрывок об Амфилохе: тот «рассказывал об охоте, состязаниях, грабежах».¹⁾ Но кому рассказывал? Автор безусловно предполагает, что Кримгильде, подобно тому, как Вальтер Альдоне, тогда действительно получилось бы не случайное ничего не говорящее совпадение, а некоторое единство сюжета, хотя бы в одной маленькой ограниченной области. Но именно этого нет. Амфилох никогда не говорил Кримгильде об этих своих подвигах, так как при встречах с ней его занимают совершенно иные мысли — осуществление его заветной идеи. Амфилох Гермес, согласно вступлению, прибыл из далеких стран в Кимврский Херсонес, как римляне называли Ютландский полуостров; отсюда он и везет себе жену, которая была здесь жрицей Одына. По дороге домой он развивает ей свой взгляд на римлян, как на подлейший народ в мире: «дикари из Междуморья», (Międzymorze — Италия) говорит он: «приплыли к ее (т. е. Греции) счастливым островам, к ее миртовым берегам; не побсдили ее оружием, но разъединили ядом лести, упоили нектаром обещаний».²⁾ В подтверждение своих слов о характере Рима, Амфилох ссылается на Митридата и Филопомена. Всё направление бесед Амфилоха с Кримгильдой — это вопрос о мести Риму, причем пока мало еще обсуждаются ее способы (об этом будет говориться в самой драме), а гораздо больше дается ее (т. е. мести) обоснование. Если идейным источником бесед Амфилоха был «Валленрод», то о совпадении основных нитей сюжета в данном случае несмотря на это говорить нет никакой возможности. Данные рассказы Амфилоха, очевидно, относятся к его дому на острове Хиаре и к его домашним грекам, а не к Кримгильде. При таких условиях падает всякое совпадение сюжетов, а остаются лишь случайные совсем мелкие детали. Кроме того, хронологически момент прибытия Кримгильды в дом Амфилоха совершился лишь после этих его путешествий, как явствует из слов вступления: «Слуги, рабы, стоя на пороге под густыми колоннами (lasem filarów), смотрят на голубое море, усеянное блестящими, как звезды, островами, и ожидают его возвращения; но он не спешит, ибо полюбил звук труб из раковин и пение жриц Одына».³⁾ Ясно, что повество-

¹⁾ Zyg. Krasinski, Pisma, Wyd. Jub. т. 3, стр. 116.

²⁾ Ibid., стр. 122.

³⁾ Ibid., стр. 116.

вание это относится еще к тому времени, когда Амфилох только навещал Кримгильду на ее родине, не привез ее еще в Грецию, и, следовательно, возвращаясь туда, не мог ей рассказывать о своих подвигах. Это несогласие данных сюжетных эпизодов вовсе не единично, а стоит в связи с общим различием построения обоих произведений. Валленрод и Альдона — соотечественники, их поступки ясно и понятно мотивированы — они любят друг друга, но выше этого ставят отечество (я не имею в виду в данном случае сцену у башни, которую труднее объяснить и признать мотивированной); между тем Кримгильда и Амфилох разноплеменники, для встречи которых автору пришлось преодолеть даже такие трудности, как географическую несообразность. Всё это понадобилось лишь для проведения отвлеченной мысли автора о наследственности;¹⁾ никакого подобия этому нет у Мицке-

¹⁾ Остается вопрос о материнской наследственности Иридиона. И здесь господствовала отвлеченная мысль поэта. Кримгильда — мать Иридиона, никоим образом не была простым эхом слов Амфилоха, как многие могут подумать при поверхностном чтении поэмы. Проф. Калленбах ближе подошел к истине, когда сделал предположение, что встречающиеся в драме Гамлетовские черты Иридиона следует объяснить этой его материнской наследственностью. Однако мы ничего не знаем о какой либо рефлексии, колебаниях, как существенных качествах самой Кримгильды. И потому единственно правильным представляется видеть материнское — в том пессимизме и фатальности, которые несомненно проникают всю поэму. В самом деле, Валленродическая мысль отца Иридиона сама по себе вовсе не пессимистична; мы знаем, что она воспитывала в бодрости много поколений польской молодежи. Именно руководимый этим стремлением отыскать обоснование фатального конца, неизбежности страданий (отражение чтения Балланша), Красинский дает своему герою мать родом со Скандинавского Севера, „ибо невозможно описать мрачный характер Скандинавских преданий“ (Ibid., стр. 318). Но при такой конструкции совершенно падает возможность влияния „Валленрода“ на создание образа Кримгильды: ведь источники последнего ясны: это Скандинавская мифология, Балланш и „Мученики“ Шатобриана. Мицкевичу тут не могло быть места в таком сочтении. Ко времени окончательного созревания „Иридиона“, давшая ему толчок Валленродическая мысль приняла иные формы, далекие от ее первообраза. „Иридион“ и был кульминационным пунктом литературного воздействия Мицкевича на Красинского. Это же подтверждается и данными переписки Красинского с Reeve. В первое время упоминания там о Мицкевиче весьма часты (Correspondance de Sig. Krasiński et de Henry Reeve, Paris, 1902, tome. I стр. 20, 22, 23, 44, 55 и др.). Причем они часто касаются литературных вопросов, напр. перевода »Farysa« (письмо от 12/XII 1830) или других вещей Мицкевича (см. напр. письмо Reeve от 18/XI 1831 г.: »Vous m'avez parlé dans le temps d'une poésie de Mickiewicz, la Mère polonaise à son fils...« (Ib. стр. 340). Это несомненно свидетельствует о влиянии Мицкевича на литературные вкусы друзей в ту эпоху. Но ко времени начала работы над „Иридионом“ упоминания эти становятся всё реже и случайнее. Во всем II томе переписки заслуживает внимания с этой точки зрения лишь отзыв Мицкевича о „Неб. Комедии“ (Ib. t. II, стр. 90).

вича. Его мысль простая и здоровая, несмотря на весь пыл ненависти. Красинский же, переживший трагедию ноябрьского восстания, уже не удовлетворяется этой простотой. Амфилох идет к Кримгильде со строго определенной целью — для совершения его дела ему нужна «ее вдохновенная грудь» — любовь здесь играет роль не более чем своего рода декорации. Между тем в «Валленроде» она играет существенную роль и описана сентиментальными чертами, чего совсем нет в «Иридионе» и не могло быть, потому что для выростания этого чувства не было той общей почвы, как у Вальтера и Альдоны. У них это понятие «отчизны» постепенно разрастаясь стало между ними, создало в значительной степени трагедию их жизни. «Иридион» вовсе не построен на таком их противопоставлении по той простой причине, что у Амфилоха и Кримгильды не было такого общего отечества. Это особенно нужно подчеркнуть вопреки утверждению Т. Пини и других о тождественности содержания (*treści*). И это прежде всего не должно удивлять: Красинский, конечно, внимательно читал «Валленрода», но не в момент работы над «Иридионом», а раньше; как это было показано, в его более ранних вещах и можно проследить это непосредственное влияние отдельных эпизодов «Валленрода»; что же касается «Иридиона», то во время работы над ним подробности «Валленрода» должны были уже отступить на задний план, вытесненные как целым рядом литературных наслоений, так и в особенности источниками историческими, которые должны были составить фон картины. Раз взяв эпоху столь отличную во всех отношениях от той, которую избрал Мицкевич, Красинский уже не мог к нему обращаться за какимлибо сколько нибудь значительным сюжетным эпизодом. Но позади всех этих по-прежнему его волновавших мыслей, теснившихся к нему образов во время работы над «Иридионом» всё еще сохранял свою идейную силу вопрос, поставленный во всей своей трагической полноте впервые автором «Валленрода» — вопрос о целесообразности и практической осуществимости идеи мести и лишь в этом смысле можно говорить именно об идейном, а не сюжетном влиянии «Валленрода».

В. Чернобаев.

¹⁾ Ibid., 117.

F 8280